

ЗА РОДИНУ

№100 (500)

Пятница, 5-го мая 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенрос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Riga (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях. Плата за подписку — 12 руб. в месяц. Деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Неизбывный голод

Н. В. Торопов

Большевизм начался голодом.

Было ли это предзнаменованием судьбы или же явилось логическим следствием социалистической политики Ленина, решить не беремся. Но чуть только большевики пришли к власти, как сразу начался голод.

В период гражданской войны часто можно было наблюдать следующее. В такой-то местности царит советская власть. Продукты исчезли, снабжение не налажено, жители голодают. Но вот на смену Советам приходит другая власть. Какая? Все равно! — Деникин, Петлюра, Юденич, батько Махно... И — чудо из чудес!... Неизвестно откуда появляются хлеб и мясо, крупа и картошка, сало и масло! Все находится! Все находится сразу и в нужном количестве! А потом опять возвращаются Советы, и тогда опять все пропадает, и опять жители начинают голодать...

Наконец, беспощадный Царь-Голод впиши в Волгу мертвой хваткой...

Но большевики не унывали.

Кто виноват в голоде? Большевизм? О, нет! В распоряжении большевиков в те времена было еще объяснение, которое они могли приводить, не очень краснел:

— Голод? Да! Голод есть! Но ведь он является наследием царизма, разрухи и гражданской войны!

Но вот — закончилась гражданская война, а хлеба не прибавилось. Эпоха военного коммунизма съела последнее. Продразверстки прикончили даже оставшиеся крошки. Тогда Ленин объявил НЭП.

За годы НЭПа граждане СССР не только отделись, начали баловать себя мясом. Но — увы! На смену НЭПу пришла сталинская первая пятилетка и, начиная с 1929 года, мясо начало катастрофически скатываться, а в 1930 году оно уже исчезло настолько, что пришлось расстрелять 27 человек «за срыв мясозаготовок». Но так как всем было чересчур очевидно, что не могла же в самом деле 27 вредителей лишиться всю страну мяса, то для оправдания недостачи его советские правители придумали такое объяснение:

— Мяса мало оттого, что, в связи с ростом благосостояния трудящихся, повысилась потребность его.

Другими словами: «Вы едите так мало мяса оттого, что вы едите его много!»

Конечно, в такой логике было больше диалектики, чем здравого смысла, и она не только не могла накормить, но не могла и убедить! К тому же на двигался голод 1932-33 г.г., когда не только мясо, но и все остальные продукты питания начали быстро пропадать, а очереди перед продуктовыми лавками еще быстрее начали нарастать. Тогда было придумано универсальное объяснение всех пришедших зол:

— Трудности роста!

Что собственно означали эти «трудности роста», не знал никто. Но всякий секретарь всякого райпарткома, всякий докладчик всякого очередного собрания безапелляционно и уверенно объяснял:

— Трудности роста!

Разразился голод...

Распухшие от голода дети. Жуткие очереди за «коммерческим хлебом». Трупы на улицах. Трупоедство и людоедство. Кто забыл эти годы? Кто посмел забыть их?

В 1935 году положение вещей стало улучшаться. Но это улучшение было недолгим: уже зимой 1939—40 г.г. вновь вспыхнул продовольственный кризис и вновь начали образовываться очереди «еще с ночи».

Что делается сейчас в СССР — общеизвестно. Опять голод: хроническое недоедание, перебои в снабжении, разруха, злоупотребления и горькие ненавистью и нетерпением глаза.

Что такое большевизм?

В политике он — ложь, в методах — кровь и расстрелы, в духе своем — рабство и угнетение, в быту — голод.

Большевизм начался голодом и от голода погибнет.

БОИ НА РЕКЕ СЕРЕТ

Уничтожено 95 советских танков
Все советские атаки отражены

Ставка Фюрера, 4 мая. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

У Севастополя и в районе нижнего течения Днестра отбиты местные атаки противника.

Восточнее Серета неприятель крупными силами продолжал свое наступление. Все попытки противника прорвать линию германской обороны отражены в ожесточенных боях решительными контрударами германских войск. Уничтожено 64 неприятельских танка. В результате успешных действий германской и румынской бомбардировочной и штурмовой авиации противник понес тяжелые потери в людях и военном материале. Кроме указанных 64-х танков, германскими воздушными силами уничтожено еще 31 танк противника, большое количество орудий и целый ряд грузовых машин.

Крупные соединения германских бомбардировщиков провели прошлой ночью успешные налеты на пути сообщения и скопления войск противника северо-западнее Ясс.

Находящаяся под командой подполковника Норман истребительная эскадрилья «Мельдерс» добилась своей восьмидесятичной воздушной победы.

В районе десантного плацдарма у Нетуну отражена, проведенная после сильной артиллерийской подготовки, атака противника.

В северо-восточной части Атлантического океана германские подводные лодки атаковали направлявшийся в Англию и находившийся под сильной охраной эсминцев и самолетов караван неприятельских судов. Германскими подводными лодками потоплено восемь эсминцев и охранных судов, а также торпедировано пять транспортных судов, общим водоизмещением в 30 тысяч брт. Два судна немедленно затонули, гибель остальных трех нужно считать несомненной.

В ночь со 2-го на 3-ье мая германские быстроходные катера в Адриатическом море торпедировали неприятельский миноносец.

При отражении налета английских бомбардировщиков на Среднюю Францию прошлой ночью сбит 51 неприятельский самолет.

Прошлой ночью одиночные английские самолеты сбросили бомбы в районе Маггейма.

Похороны митрополита Сергия

Рига, 4 мая.

В Кафедральном соборе сегодня состоялось отпевание по епископскому чину высокопреосвященного митрополита Литовского, Экзарха Латвии и Эстонии, Сергия.

На этом отпевании присутствовали официальные представители, возложившие венки на гроб усопшего: от Рейхскомиссариата — г-н Бурмейстер, от Командования Германскими войсками в Остланде, от Коменданта Латвии и Коменданта гор. Риги — полковник Шольбер, полковник Гампе, капитан Гросс и лейтенант Эпинатьев; представитель Министерства Иностранных дел посланник Виндкер, руководитель Политического Отдела Трампедах и Представитель от Генерального Комиссариата — фон Борке; от Гебитскомиссариата — г-н

Витрок; от русского населения Латвийского Генерального Округа — Г. А. Алексеев, от русского населения Литвы — А. В. Ставровский и Эстонии — К. Е. Аренсбургер.

Отпевание совершали архиепископ Дании Ковенский и епископ Иоанн Рижский, в сослужении священства трех епархий.

После отпевания траурное шествие направилось на Покровское кладбище, где тело митрополита Сергия было опущено в могилу. Траурное шествие и обряд погребения были торжественны и многолюдны. После погребения надгробное слово сказали — представитель Рейхскомиссариата г-н Бурмейстер, отметивший заслуги злодейски убитого архипастыря, представитель русского населения — Г. А. Алексеев и другие.

В Казанских лесах

Партизаны в советском тылу

(Рассказ перебежчика)

Ранним апрельским утром в германские окопы под Витебском приполз красноармеец тридцать третьего штрафного батальона Михаил Дунаев, родившийся в 1918 году, в Марийской АССР, городе Волжске. В беседе с сотрудником нашей газеты Дунаев, имя которого мы публикуем с его согласия, рассказал историю своих мытарств в советском тылу. Приводим его рассказ полностью.

Жил я в городе Казани, работал на 124-м авиазаводе мастером-автогенным сварщиком. Уже в первые недели войны жить нам стало трудно. Город с каждым днем переполнялся эвакуированными, все увеличивалась недостача в продуктах. В очередях за хлебом приходилось простаивать по несколько часов, а порядок был такой, что каждый хлебный купон наших

«заборных книжек» был годен только на один день. Не успеешь сегодня получить хлеб — сиди голодный.

Осенью 1941 года на завод прислали из Москвы новую конструкцию самолета. Работы стало у нас больше, особенно при усваивании новых методов. Несколько дней работали сверхурочно, не успевали попасть в очередь, сидели без хлеба. Недовольна была моя бригада, решил я ее отпустить на два часа раньше, думая, что с заданием справлюсь сам, а ребята пусть хлеб свой получают.

Задание, однако, выполнить не смог. Ослаб я тогда очень от недоедания и заснул тут же в мастерской. Просыпаюсь — директор завода и секретарь партячейки около меня стоят: «Плохи твои дела, Михаил, — го-

ворит директор, — придется нам тебя за невыполненное задание под суд отдать, как вредителя и саботажника».

Взяли с меня расписку о невыезде. Стали в НКВД на допросы тягать...

Вижу, грозит мне трибунал, а там, может быть, и расстрел. Не стал дожидаться ареста и сбежал в октябре 1941 года.

Родителей давно у меня не было, отец был послан еще в 1929 году, мать умерла. Пошел я к родным в колхозы Юдинского района и скитался всю зиму от одних к другим. Знали в деревне, что НКВД меня ищет. То тут, то там справлялись обо мне, обыски устраивали. Перестали меня родные к себе пускать. Вон гонят, говорят: накличешь на нас всех беду, Михаил.

Как наступила весна, забрал я ружье свое двухствольное и ушел в леса. Документов давно у меня уже не было, порох и дробь доставал мне друг, работавший в городе Волжске, в шестидесяти километрах от Казани, на одном из эвакуированных из Рязани авиационных заводов.

Так жил я месяца два. Питался дичью, ходил на уток. Передвигался только ночью.

Раз, помню, как то заснул на берегу Волги. Разделся, вдруг слышу шаги. Смотрю трое в форме энкаведе. Один подходит, документы спрашивает. Я ему сперва уток показал, а сам за ружьем тянусь. Курок у меня всегда один на взводе был. Поднялся в рост, выстрелил в него в упор, но тот успел по стволу ударить, ружье отвел.

Растерялись тут оба. Стоим и смотрим друг на друга. Бросил я ружье ему в ноги, а сам в кусты. Все трое бросились за мной, стреляют... Я через кусты в болото уполз. Отсиживался до вечера. Всего комары заели, без одежды ведь был в одних трусах. Искали меня долго, с собаками искали, но не нашли: болото все следы затерло.

Продолжение на 2 стр.

Растет и ширится среди освобожденных от большевизма русских людей интерес к нашей газете. Неуклонно повышается спрос на нее.

Выпуская сегодня пятисотый номер «За Родину», редакция с чувством глубокого удовлетворения отмечает также повышение предьявляемых со стороны читателей требований к газете.

Они, — эти требования — свидетельствуют о том, что вместе с газетой растет и национальное самосознание нашего читателя.

Мысленно жмем ему руку!

Полиция напала на след убийц митрополита

Ковно, 4 мая.

Комиссия, ведущая расследование по делу убийства митрополита Сергия, выяснила следующее:

23-го апреля, около девяти часов вечера, к военной бензиновой колонке, в Вильно, на улице Иогайло 11, подошло четверо мужчин, трое из которых были одеты в германскую во-

енную форму, а четвертый в штатское. Они были вооружены пистолетами, напали на служащего при бензиновой колонке и ночного сторожа и заперли обоих в уборную. Злоумышленники похитили 90 литров бензина в бидонах и легковую автомашину серого цвета типа «Опель Супер-сикс» под № РО-54112, с двумя резервными шинами. Злоумышленники говорили по-немецки с иностранным акцентом, а между собой по-польски и по-русски. Один из злоумышленников был одет в черную форму танкиста, без опознавательных знаков, рост метр семидесяти сантиметров, возраст двадцать шесть лет (приблизительно). Второй был одет в серо-зеленую немецкую походную форму с погонами унтер-офицера, на вид ему было около тридцати лет. Третий злоумышленник, одетый в серо-зеленую походную солдатскую форму, был ростом примерно в один метр восемьдесят сантиметров и отличался атлетическим сложением.

Соболезнование рейхскомиссара Остланда

Рейхскомиссар Остланда Гинрих Лозе, находящийся в настоящее время в Германии, прислал следующую телеграмму:

«Православному Экзархату в Риге. Выражаю свое искреннее сочувствие по поводу тяжелой утраты, понесенной православной Церковью Эстонии, Латвии и Литвы в связи с мученической кончиной от руки большевических убийц ее главы Высокопреосвященного митрополита Сергия. Лозе.»

Похороны жертв большевизма

В Риге, на Лесном кладбище, там, где уже покоятся многочисленные жертвы большевического террора, преданы земле останки новых жертв, обнаруженных недавно в массовой могиле под Ригой.

На похороны собралась многотысячная толпа народа и казалось, что все население Риги собралось на кладбище, чтобы отдать последний долг верным сыновьям латышского народа, злодейски замученным большевистскими садистами.

Торжественную поминальную речь произнес лютеранский епископ Латвии профессор Грикберг. После него возложили венки представители Генерал-комиссариата, Латышского легиона и многих общественных организаций. В заключение печального торжества, все присутствующие исполнили латышскую национальную молитву.

Жители прифронтовой полосы, бежавшие от большевиков, делятся с немецкими солдатами своими переживаниями.

Самооборона Литвы

Ковно, 4 мая.

В Литве объявлен призыв на военную службу нескольких призывных возрастов. Генерал-лейтенант Плекановичус, проводящий мобилизацию, опубликовал воззвание, в котором указал на тяжелые условия нынешнего времени и напомнил литовцам об ужасах кратковременного господства большевиков в Литве. Теперь для Литвы настала пора взяться за оружие, чтобы вместе с германскими войсками защитить родную землю.

Рост преступности в Америке

Американские газеты горько сетуют на рост преступности среди молодежи США. Особенно в этом отношении отличаются семнадцатилетние подростки, на долю которых приходится на двадцать пять процентов больше преступлений, чем в прошлом году. Растет также преступность среди девушек, особенно проституция. Множество молодых девушек обвиняется также в кражах со взломом. Необычайно выросло количество автомобильных краж и изнасилований.

Первый поход Черчилля

Плачевная судьба английского десанта у Дарданелл в 1915 году

и в историю Англии эпохи первой мировой войны.

В апреле 1915 года, в результате личной инициативы и под личную ответственность бывшего тогда морским министром Уинстона Черчилля, Англия начала широко задуманные десантные операции на узком и скалистом Галлипольском полуострове, и в

то же время попыталась провести свой флот через Дарданеллы. Перед Турцией стала тогда задача во что бы то ни стало воспрепятствовать успеху стратегического плана противника, заключающегося в намерении нанести добовой удар по турецкой столице и прорваться в Мраморное море. Маленькой турецкой боевой части, поддержанной группой германских солдат и офицеров, удалось, в результате героической и чрезвычайно искусно проведенной борьбы, удержать в Галлипольских горах неприступные десантные войска, общая численность которых доходила до ста тысяч человек, парализовать их действия и, наконец, разбив, принудить к бегству обратно на суда.

Фронтальный удар по Константинополю был отражен. В то же время понес огромные потери при попытке прорваться через Дарданеллы, англичане сочли за лучшее прекратить начатую операцию. Таким образом по вине Черчилля Англия послала одну из самых тяжелых поражений, пришедших на ее долю в первую мировую войну. С тех пор многие англичане продолжают расце-

ливать военный гений Черчилля на основании единственных в своем роде уроков галлипольской и дарданельской операций. Текущая война пополнила старый опыт новыми, не безынтересными примерами, способными укрепить такое мнение среди ставших в связи с этой операцией отмечает прежде всего имя одного офицера, руководившего боем, — Мустафы Кемаль Паши. Это тот самый человек, который семь лет спустя вел борьбу за свободу Турции против тех же противников и, выйдя снова победителем, создал новое турецкое государство.

Молодая Турция ежегодно празднует день своей победы у Дарданелл. Одна из главных улиц Анкары носит имя города, где разыгрался победоносный бой: Анафалта-лар. Чтобы увековечить героев Дарданельских боев турецкое правительство теперь на пятый год второй мировой войны, объявило соревнование на лучший проект памятника на берегу Дарданелл у Чанаккалле. Целый ряд молодых турецких архитекторов работает над проектами этого памятника.

Расправа с населением у Нарвы

Ревель, 3 мая

Эстонские легионеры в одном из прифронтовых лесов обнаружили полузамерзшего десятилетнего мальчика Яна Аллика и с транспортом раненых доставили его в Ревель. Мальчик рассказывает, что, возвращаясь в дом родителей, находившийся в деревне на берегу Финского залива, он услышал выстрелы и увидел, как советские солдаты прикладами гнали из дому его родителей и старого деда. Руки отца были связаны за спиной. Полумертвый от страха мальчик спрятался в ближайшей яме, откуда видел, как красноармейцы выгоняли других людей на улицу, где стоял грузовик. Он узнал среди них свою сестру и нескольких сверстников. К этому месту была доставлена почта

всего деревня. С грузовика были сброшены лопаты и первым прибывшим было приказано рыть яму. Затем, один из красноармейцев, повидимому, начальник, стал читать список имен, среди которых был также его отец. Все эти люди должны были встать перед ямой и были застрелены на глазах у остальных. Оставшиеся в живых были посажены на грузовик, который тотчас же уехал в сопровождении двух машин с красноармейцами. Мальчик пробрался затем в свой дом, где обнаружил своего брата с разможенным черепом. Внутри дома были страшные опустошения. Красноармейцы набили себе карманы всем, что только могли унести. С наступлением темноты Аллик направился в лес, где, после продолжительных блужданий, натолкнулся на эстонский патруль.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

— В ту сторонку мы, конечно, прыгнем, а вот обратно как?...

В осажденном Имфале

Токио, 4 мая.

По рассказам индусских солдат, перебежавших на сторону японцев, в английской крепости Имфал, окруженной японскими войсками, свирепствуют эпидемии холеры и черной оспы. Незначительных запасов медикаментов, реквизированных военными властями, не хватает даже для раненых и больных солдат. Заболевание особенно растет среди гражданского населения, в виду острого недостатка питьевой воды. Население терпит большое бедствие также от недостатка продовольствия. По распоряжению англичан, дома, в которых обнаружены большие заразными болезнями, немедленно сжигаются. Войска уже оставили город, бросив его на произвол судьбы, и расположились в лагерьях, в открытом поле. Потери окруженной армейской группы, по предварительным сведениям, достигают тридцати тысяч человек убитыми, ранеными и пленными.

Английское командование пыталось снабжать свою осажденную армию воздушным путем, однако, японские истребители регулярно сбивают транспортные самолеты противника.

В советском тылу

Военнопленные красноармейцы, недавно попавшие в плен, подтверждают, что повстанческое движение по ту сторону фронта расширяется и становится серьезной угрозой для сталинского режима. Дополнительно к опубликованным нами данным о деятельности повстанцев в Закавказье и в центральных районах России теперь стало известно, что и в Сибири и на Урале повстанческое движение широко развернулось. Сравнительно недавно под Челябинском (Урал) повстанцы спустили под откос два эшелона с танками. Недалеке от Иркутска небольшой отряд повстанцев подожг крупную нефтебазу и ускользнул от высланных на его поимку отрядов НКВД. Амурские казаки уходят в тайгу, чтобы избавиться от мобилизации, и там организуют партизанские антибольшевистские отряды. Особенно активную деятельность проявляют партизаны между реками Бира и Биджая на Дальнем Востоке, где, как известно, расположена еврейская республика. Евреи бегут из Биробиджана, спасаясь от ярости повстанцев.

Со всего света

Берлин. — 1 мая вечером неприятельская подводная лодка приблизилась к порту Онелия на итальянской Ривьере и попыталась начать обстрел. Огонь германских береговых батарей заставил лодку немедленно погрузиться и уйти.
Анкара. — После землетрясения, происшедшего недавно в Турции, в северо-западной Анатолии неожиданно раскрывались залежи, необычайно богатые углем высокого качества.
Мадрид. — 85 процентов городских автобусов Каира изъяты из обращения ввиду недостатка шин и запасных частей. Запросы египетских властей у англичан и американцев остались без ответа.
Лиссабон. — В северном Судане, в городах Хартуме и Дурмане из-за опасности эпидемии возвратного тифа начата эвакуация жителей. В специальных поездах часть населения уже доставлена в Южный Судан.

Русские рабочие против большевизма

Отклики русских рабочих на обращение генерала добровольческих войск и генерала кавалерии Кестринга

Первого мая на многих промышленных предприятиях Германии состоялись собрания русских рабочих, на которых было выслушано обращение генерала добровольческих войск и генерала кавалерии Кестринга, переданное по радио.

После этого на многих предприятиях, где работают русские рабочие, стихийно возникли собрания, на которых были вынесены резолюции протеста против большевистских зверств во вновь занятых Красной армией областях.

Русские рабочие и работницы одного крупного предприятия германских государственных железных дорог, находящегося в районе Берлина, явившись на собрание в количестве более семисот человек вынесли следующую резолюцию:

«Мы рабочие и работницы, узнав о зверствах НКВД во вновь захваченных Сталиным областях, присоединяем свой голос протеста к протесту трудящихся всей Европы.

Мы знаем как мучаются и страдают наши родные, оставшиеся по ту

сторону фронта. Нечеловеческие мучения, массовые расстрелы, тюрьмы, концентрационные лагеря свирепствуют в СССР. Пощады нет никому. Тот, кто хотя бы раз перешел стену, воздвигнутую Сталиным вокруг СССР, кто приобщился к жизни в Европе, тот объявлен НКВД вне закона, того ждет уничтожение.

Нам, рабочим и работницам, трудящимся теперь совместно с немецкими рабочими, нет возврата к прошлому. Перейдя линию фронта, мы навсегда покинули с коммунизмом и сталинским режимом. Мы здесь узнали правду о национал-социализме, которую так тщательно старались исказить Сталин и его приспешники. С каждым часом, с каждым днем мы становимся все более непримиримыми врагами большевизма.

Находясь в Германии, мы куем оружие для борьбы с советским режимом. Всех нас сплотило общее желание отомстить Сталину за кровь отцов, матерей, братьев, сестер и детей наших, одна мысль бороться за освобождение нашей Родины».

В Казанских лесах

Партизаны в советском тылу

(Окончание. Начало на 1-ой стр.)

Ночью пошел я в Волжск к приятелю. Дал мне тот одежду рабочую и ружье одноствольное. А жаль мне своей двухстволки было. Имя мое и адрес на ней вырезаны были.

Ушел я глубоко в лес. Знал, что в лесу много дезертиров и народа разного живет и скрывается. Решил жить с ними вместе.

Блуждал я дня три-четыре. Потом как то вижу пробирается по лесу человек к шоссе. А по шоссе автомашина с грузовой едет, водкой груженная. За рулем — женщина сидит. Понял я в чем тут дело, залег в кусты и слежу. Вижу человек винтовкой грузовик задержал, а из лесу второй выходит на дорогу, водительницу из будки высадил, сам за руль сел и машину угнал. Второй женщину с полчаса попридержал, а потом отпустил, а сам в лес пошел. Тут я подожу: «Погоди, говорю, товарищ...» Тот на меня винтовку: «Руки вверх». Я ружье ему свое отдал. И стали мы оба толковать.

Выслушал он меня. Говорит: «Коли ты человек правильный, идем с нами». Дал свист условный. Из лесу еще трое выходят. Опять побеседовали, рассказал свое дело и взяли они меня в компанию.

Полтора года дружно жили мы в пятером. Начальником нашим был Заган Владимир. Тот лес, как свой карман знал. Он бежал еще в 1929 году от раскулачивания. Двое других дезертирами Красной армии были, а четвертый немец-поволжский, отсылки бежал.

Землянка наша прочная была, стены штукатуренные, печь теплая. В сарае у нас и запасы имелись, лошади, велосипеды. Жили на славу. От колхозников — родных или друзей — знали, когда где обоз с поставками государству поедет. Отойдём от нашего лагеря подальше, верст на пят-

надцать-двадцать, остановим обоз, возник задержим. Лошадей распрягли, отпустили на волю, а там, что самим нужно, заберем, остальное по дороге раскидаем. Население окрестных колхозов от возник знало, где хлеб раскидан, прибегали и собирали его. Теперь уже не для государства, а для самих себя. За это нас колхозники уважали и не выдавали. Иной раз даже сами сообщали, когда транспор покружнее пойдёт.

НКВД часто в лесу облавы делало. Нам найти было трудно. Леса огромные на сотни верст тянутся, болота, бурелом. Мы каждую тропку обходную знаем, а НКВД только цепью и может ходить. Как оторвется один от своих, его наши тут же ухлопают.

Кроме нас, в лесу еще много групп было, только не встречались мы с ними. По вечерам иногда условный разный свист со всех сторон доносился, но мы из осторожности всегда в обход шли. Кто его знает — что за люди? А то иногда найдем в лесу труп советского командира или энкаведиста. Простых красноармейцев не трогали, пусть идут своей дорогой. А если в лесу командир или чекист показывался, то лес могилкой его становился.

Наш начальник как то одного из энкаведистов убил. Сняли с него форму и в ней часто ходили. Выйдешь на шоссе и сторожишь, пока жид или жидовка какая ни пойдут по дороге (они все водку ходили из города менять на колхозный хлеб). Подойдешь, сердито документы спросишь, грозишь за спекуляцию под трибунал подвести. Евреи пугались, водку сами отдавали, деньги даже предлагали.

Когда мы узнавали, что в колхозах местная власть с крестьянами и бабами плохо обращалась, тогда мы по-

щады не знали: председателям колхозов и активистам дома сжигали.

В 1943 году 22 июня в Волжске на площади у парашютной вышки митинг по случаю годовщины войны был объявлен. Я ночью подобрался, вскарабкался на вышку и полотнище с немецкой свастикой вывесил.

Вот была потеха! На утро, как рассказал мне потом приятель, флаг рабочие заметили. Остановились, стоят... Думают: война кончилась или переворот произошел. Тут энкаведисты подоспели. Флаг сняли, изорвали его в мелкие клочки. Тут же летучий митинг созвали, про трюки фашистов и врагов народа говорили, к бдительности призывали.

Мне удавалось скрываться до осени. А тут влопался. В Казани, на базарной площади, куда отправлялся менять масло и мед на мануфактуру. На базаре в воскресенье облаву устроили, дезертиров ловить. Попалось человек двести, с ними и я. Повезло мне, что в соседней Татарской, а не Марийской республике поймали. Назвались я эвакуированным из Харькова и уперся на своем.

Допытывали крепко. В подвал, в одиночку посадили. Не кормили. А то селедкой накормят, а потом пить не дают. Многие я там испытал, и вспоминать не хочется. Но ничего с меня не выпытали.

Просидел я так до декабря, пока не вызвали в трибунал и тройка меня по 193 статье, как дезертира, к расстрелу приговорила. Прокурор прочел приговор и предложил мне искупить свою вину на фронте, службой в штрафной роте. Выбора у меня, конечно, не было, пришлось согласиться.

Отправили меня на станцию Суслонгер, где формировалась рота. Собралось там 225 человек, все тюремные, уголовники. Политических у нас не было. Обучали нас дней десять. Без оружия. На ученье под строгим конвоем водили, лагерь проволокой оцеплен был.

Потом по вагонам рассадили и по восемьсот граммов хлеба на две неде-

ли дали. В нашем четырехосном товарном вагоне набралось сто человек. Ехали мы в худших условиях, чем арестанты. Двери и окна были наглухо заколочены, уборной или хотя бы дыры в полу не было, за водой не выпускали, есть четыре дня подряд не давали.

На одной большой станции, после наших долгих криков и стука, конвой принес четыре ведра с болотной водой. Бросились все на воду, как озверелые, кто с головой в ведро нырял, кто в драку лез. А вечером половина заболела поносом. Нестерпимо стало в вагоне. Дышать нечем, люди пить хотят. Стали мы стучать, что есть силы в стены и дверь. На станции подходят часовые и давай стрелять через закрытую дверь. Одного ранили. А командант поезда подошел к вагону и через закрытую дверь нам прокричал: что мы не бойцы, а штрафники и требовать ничего не в праве. Обещал нам, впрочем, на следующей станции суп, но его мы так и не получили.

Ночью мы на ходу проломали крышу и отправились на крышу соседнего вагона-ледника, где хранилась картошка. Наполнили карманы и обратно. Это заметил часовой с тормозной площадки, открыл огонь, ранил одного в ногу. Раненый упал между вагонов и наверно попал под колеса поезда.

На следующей станции, наконец, открыли дверь. Сперва просунули штucky, а затем сзади появилось начальство, которое начало агитировать.

После нас высадили на станцию Лезная в пятидесяти километрах от линии фронта. Выдали продуктов на три дня и отправили пешим маршем, под сильным конвоем на фронт. Многие съели всю еду сразу и через несколько часов заболели. Другие, несмотря на конвой, разбежались. На утро из 225 человек осталось сто пятьдесят.

Оружие выдали только на самой передовой, куда были доставлены под тем же конвоем. Получили

без артподготовки занять сильно укрепленные немецкие траншеи, продвигаясь на триста метров без укрытия по открытому полю. За это обещали снять судимость.

Первую нашу атаку немцы отбили. Пока мы подходили, стреляли лишь снайперы, метко выбивавшие отдельных бойцов. Когда я приблизился к проволочному заграждению, командиры, находившиеся сзади, наганами погнали меня и других в атаку во весь прост. Люди сбились у проволоки в кучу и вот тогда заработали немецкие пулеметы и скосили больше половины роты. Начальство, не считаясь с этим, гнало людей вперед. Я оценил обстановку, отполз в сторону, метров на триста и залег у проволоки до утра. Когда рассвело, подошел во весь рост к проволоке, бросил винтовку и ору: «Сталин капут...» В окопе сразу появился немецкий солдат:

«Рус... мина...» — закричал он и знаками велел подождать, пока не покажет дорогу.

Когда меня провели в окоп, сразу же накормили маслом, хлебом, дали водки, курева. Я все понял. Понял, что у немцев можно жить, как у людей, что здесь не надо годами скрываться в лесах от НКВД, что немецкий солдат воюет не в штрафных батальонах, а правительством, действительно, заботится о своих бойцах. Понял я это и, как перебежчик, сразу же запросился в немецкую армию. Мне обещали содействие, дали документ перебежчика и отправили в тыл. Теперь я здесь, мечта моя исполнилась. Я думаю, если бы там все знали, как живут здесь, перебежали бы все.

А фамилию мою пишите полностью. Вот бы им теперь в газете вашей прочитать, что я здесь!..»

Так закончил свое повествование бывший приволжский партизан. С его лица исчезли следы перенесенных лишений и испытаний. Из его слегка прищуренных глаз струились загорелые искорки и прощаясь он с веселой улыбкой долго пожимал руку.

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

ПЕРВОМАЙСКОЕ УВЕСЕЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Рига.

В одном из корпусов большого завода в Больдере, под Ригой, где работает значительное количество русских переселенцев, заводской администрации, накануне 1 мая, была организована торжественная встреча трудового праздника с обширной и многообразной увеселительной программой. Уже до начала праздника главный корпус завода был до отказа заполнен рабочими всех цехов, пришедшими на праздник вместе со своими женами и детьми. Вследствие разнообразия по возрасту контингента зрителей, программа праздника была составлена с таким расчетом, чтобы полностью удовлетворить как взрослых, так и юных посетителей.

Торжество открылось вступительной речью представителя Русской Освободительной Армии, разъяснившего присутствующим основную идею праздника 1 мая и задачи, стоящие перед трудящимися в исторический час борьбы с большевизмом, а затем последовали номера праздничной программы, в исполнении которых приняли участие артисты музыкального, вокального, танцевального и циркового искусства. Дружные аплодисменты, неумолчно сопровождавшие все исполняемые номера, и особенно бурный восторг юных зрителей, увлеченных комическими трюками эстрадных клоунов, показали, что праздник был организован очень удачно и вполне удовлетворил, как самих рабочих, так и их многочисленных гостей.

БОЛЬШАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Минск.

В третий раз уже трудящиеся Белоруссии проводят первомайский праздник не под ненавистной эмблемой нудо-большевизма, а под национальным знаменем родной Белоруссии. На большой демонстрации минских промышленных предприятий, в которой 1-го мая принимали участие 32.000 трудящихся — представителей рабочего профессионального союза Пархоменко обратился к трудящимся с речью, в которой резко высказался против большевизма. «Белорусский народ, — сказал он, — благодаря германской армии избавился не только от колхозного рабства, но также и от дьявольских методов стахановской эксплуатации и будет далее развивать совместно с народами Новой Европы свои свободные национальные, хозяйственные и культурные силы. Белорусский народ употребит все свои

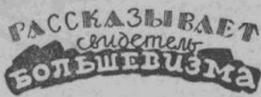
силы на полное и окончательное уничтожение большевизма. Только победа германского оружия гарантирует Белоруссии счастливую будущность».

Вслед за этой речью комиссар города Минска вручил некоторым рабочим и служащим знаки отличия за трудовые подвиги и другие заслуги.

ПРИЮТ ДЛЯ СИРОТ

Вильна.

Среди беженцев, находящихся в районе Вильны, имеется некоторое число детей-сирот. Русское представительство принимает меры по определению этих детей в приюты. Часть их уже помещена в литовские детские дома, остальные местные русские жители берут к себе на воспитание и усыновляют. Впрочем, сирот усыновляют не только виленцы, но и русские жители других городов, например, Ковно. Туда на днях из Алиты прибыло двести детей - сирот. Еще задолго до их прибытия много русских семей в Ковно заявили о желании взять сирот на воспитание и усыновить. В то же время в Вильно с разрешения Генерального Комиссариата и на его средства создается русский приют для сирот, рассчитанный на 200 детей.

Это было в 1933 году. Находился я тогда в тюрьме, в знаменитых ленинградских «Крестах».

В нашей «одиночной» камере сидело шесть человек. Однажды к нам в камеру привели еще одного арестованного, который имел весьма потрепанный вид, вызвавший у нас, уже привыкших к разным тюремным типам, улыбки и дружески-иронические замечания по его адресу.

Видно было по всему, что новый арестант впервые как следует обжегся горячими лучами сталинской конституции.

Когда он немного осмотрелся и стал как-будто осваиваться с новой для него обстановкой — мы начали его наперебой расспрашивать: кто он такой, откуда, за что попал в НКВД.

Много драм совершалось в России при советской власти. Многие из них были основаны на курьезах. Вот, об одном из таких драматических-курьезных случаев рассказал нам вновь прибывший — он оказался инженером. Фамилию его за одиннадцать лет я успел забыть. Не то Казанский, не то Казанцев. Работал он на трикотажной фабрике «Красное знамя» и заведывал рисунками и расцветками, кото-

Сон бойца Пантюшина

Московская «Правда», в одном из последних номеров, поместила текст «Постановления совета народных комиссаров о весеннем севе 1944 года».

Рядовой боец Красной армии Пантюшин, находящийся на передовых позициях третьего украинского фронта, прочел постановление, как только этот номер «Правды» попал к нему в руки.

Казалось бы, что может быть общего между этим постановлением Совнаркома и скромным бойцом Пантюшиным? ... Да, ровно ничего.

А между тем, благодаря этому постановлению Совнаркома, рядовому бойцу Пантюшину приснился самый светлый сон в его беспробудной жизни.

И случилось это так...

Номер «Правды» с посевным постановлением Совнаркома попал в руки Пантюшина уже засаленным и порванным. Тем не менее, он расправил его и от скуки начал читать, пробуя ос-

лечь все параграфы длинного и запутанного посевного постановления.

Читал Пантюшин медленно, вслух, с трудом уясняя себе суть скучнейших параграфов, перечислявших те меры, которые должны были принять колхозники для того, чтобы, не имея тракторов, плугов, сеялок, косилок, рабочей силы и семян, все же обеспечить Совнаркому сверхурожай на всей территории Советского Союза.

Пантюшин, сам в прошлом колхозник, по два раза перечитывал замысловатые параграфы и невольно думал о том, как это в его колхозе, где остались только слепой дед Аким и неграмотная бабка Анисья, проработают эти совнаркомские параграфы. Тем не менее, до 8-го параграфа чтение протекало гладко. А вот на этом параграфе Пантюшин застрял, ибо в нем он прочел следующее:

«... параграф восьмой: обязать колхозы и совхозы обеспечить полное использование на полевых работах живого тягла, сократить использование лошадей и волов на внутрихозяйственных работах, забронировать

крикнул и сказал: «Вот, это так штука... На усиленное кормление... На отдых... На три недели... Концентрированные и другие... Эх, брат Пантюшин, почему ты не лошадь?... Эх, брат Пантюшин, отчего ты не вол?»

И долго еще рядовой боец Пантюшин сокрушенно качал головой, хлопал себя по колену и грустно повторял: «Эх, отчего я не лошадь? Эх, почему я не вол?»

Так и заснул он с этими словами. А ночью ему приснился удивительный сон. Ему приснился тот же самый восьмой параграф, но с новым текстом, который гласил так:

«... параграф восьмой: обязать штабы фронтов и армий обеспечить полное использование на полевых работах бойцов Красной армии, заменив их на фронте членами всех партийных организаций, горкомов, райкомов, обкомов партии, включая сюда Совнарком СССР, ЦК ВКП(б) и всех граждан еврейского происхождения. Забронировать для весенних работ необходимое количество мяса, сала, муки, концентрированных и других кормов и поставить бойцов Красной армии не позднее, как за три недели до начала полевых работ, на усиленное кормление и отдых...»

Надо ли говорить, что в беспросветной колхозно-красноармейской жизни рядового бойца Пантюшина, это был самый удивительный, самый светлый сон.

А. Алексеев

А. Ершов.

Трикотаж и свастика

рые давались выпускаемым фабрикой трикотажным тканям.

По его указанию настраивались и по определенным схемам заправлялись разноцветными нитками какие то сложные машины, выпускающие трикотажные изделия и ткани. Обычно расцветки изделий этой фабрики отпугивали эстетично настроенных покупателей и только вечный текстильный голод в нашей «счастливой» стране способствовал тому, что эти изделия все-таки быстро раскупались.

Все шло благополучно. Этот инженер мог не только настраивать свои машины по заданным рисункам, но и импровизировать.

И вот эта-то импровизация его и погубила. Скомбинировав однажды рисунок, состоящий из коротких, разноцветных перекрещивающихся линий, и выпустив ткань из производства, он вдруг получил вызов в спецсектор фабрики (а спецсектор — это отделение НКВД на фабрике, на заводе, в учреждении), где ему предъявили кусок цветистой ткани. — «Вы составляли этот рисунок?» — «Я,» — ответил испуганный инженер. — «Что означают эти кресты и линии?» Инженер ничего не мог ответить на этот

вопрос и растерянно смотрел на свое художество, так и не поняв, в чем же его обвиняют.

В ту же ночь его арестовали и свезли в НКВД, где он понемногу стал догадываться, в чем дело.

Разноцветные перекрещивающиеся линии его рисунка создали какое то отдаленное подобие креста-свастики. Так вот, это то обстоятельство, оказавшееся, и послужило основанием для ареста и для обвинения его по 58-й статье. Эта статья предусматривала акты вредительства и контрреволюцию. И наш инженер был обвинен в фашистской агитации.

Два месяца он просидел с нами в камере. Потом неожиданно, ночью, его вызвали в контору тюрьмы с вещами. Вызов ночью — это плохой признак. Неужели расстрел? Или перевод в дом предварительного заключения? Это означало, что инженер — важный преступник, и его делу НКВД придаст серьезный характер.

А советские модницы в это время носили, ничего не подозревая, джемпера с «контрреволюционным» рисунком инженера К.

А. Алексеев

А. Ершов.

ЛЮДИ и ВОЗНИ

(Из путевых встреч)

... В Эйли пересаживаемся на «кукушку». Совсем игрушечные вагоны и подстать им паровоз — чуть выше человеческого роста.

— По крайней мере безопасно! — шутит кто-то. — С этой «кукушкой» знаете, что делают? Как сойдет с рельс, — машинист плечом налегнет, поставит на место и — опять поехали...

Русские лица и русская речь — на каждом шагу. Тут кругом хутора, а в хуторах — и любанские, и орловские и смоленские. Прямо против меня — парнишка лет 15-ти, даже и не Орел, и не Смоленск, а самая настоящая Рязань: лицо — круглое, в веснушках, нос к солнышке и по всей лунообразной физиономии улыбка от уха и до уха. Смеется: — Нас теперь эва сколько понаехало!

Повидимому, он не испытывает никакой неловкости, от такого вторжения в чуждую ему по нравам и обычаям страну. Где ему знать, что было тридцать лет назад! Вряд ли он знает даже и то, как здесь еще недавно безобразничала советская власть!

А фактов много — и довольно любопытных, и чем дальше, тем их больше набирается. Вот, например, один: пригнали сюда из Москвы целый товарный эшелон, а вагоны все пустые, да мало того, что пустые, еще и запломбированные, и на каждом пятом надписи: «Голодающему населению Латвии от трудящихся Советского Союза». На самой латвийской границе надписи стирали, а здесь вагоны вскрывали, нагружали доверху салом, маслом, белой мукой и гнали обратно в Москву, конечно, уже без всякой надписи. Жульничество? — Жульничество. А ведь эти жулики орудовали здесь под нашей русской маркой!

А вот и сами они, «голодающие» латыши, кого сталинские банды безнаказно грабили целый год. Рослый, здоровый, упитанный народ.

Не спеша, рассаживаются по вагону, оглядывают соседей и сразу вступают в разговор. Даже и на зная языка, можно понять, что разговоры — исключительно хозяйственные и семейные.

Что поражает в этих людях нас, нежданных выходцев из «коммунистического рая»? Прежде всего, сочетания следов тяжелого, земледельческого труда с человеческой культурой.

Эта культура, которую чувствуешь в самой фигуре, в жестах, в тоне разговора, воспитывалась столетиями, вошла в плоть и кровь, стала, очевидно, второй натурой.

Вот плотный, высокий старик с загорелыми, жилистыми руками, отвернувшись к окну, расчесывает полуседую заметную — холеную бороду. Так когда-то любили расчесывать наши генералы: не спеша, снизу вверх, пригладывая волосок к волоску. В этом же месте все: и хозяйская аккуратность, и спокойная совесть, и домовитость и, главное, сознание того, что человек, это — не заяц и не лань при каждом шорохе прыгать в кусты...

— А вот что я хочу вас спросить, гражданин... Неожиданно прерванные мысли сразу переносят куда-то далеко — далеко назад. Где я слышал это обращение? В Москве, на Октябрьском вокзале? Или в колхозе, где каждого очкастого непременно принимают за начальника? Прямо на меня устремлен взгляд, непроницаемый, упреждающий в себя и чуть-чуть настороженный. Глаза человека, знающего какую-то свою «прав-

ду» и не верящего ни одному слову...

Плюшевая жакетка со свежими следами коровника, — крестьянское лицо, явно познавшее и огни, и воды, и медные трубы. Что-то среднее между городом и деревней, что существует только «там» у нас и что можно охарактеризовать одним словом: колхозное. В руках — кипа бумажек со штампами и печатями, на немецком, русском и латышском языках.

— Вот... ходила я к волостному и у этого нашего полномочного была... Нигде концов не найти...

При первом же взгляде на кипу бумажек становится не по себе. Мысли о хуторах, о культуре, о том, что и наши орловские и курские, поживя здесь, кое-чему научатся и, вернувшись домой, по иному построят свою жизнь, — мысли эти улетучиваются сразу же и без остатка. Чувствуешь, что проклятое прошлое никуда не ушло, что оно — здесь, следует за тобой по пятам и что сюда, на станцию Эйли, непостижимым образом перенесен колхозно-совхозный дух во всей его девственно-сталинской «преlestи». Здесь, где каждый — хозяин, каждый по горло занят своим делом, своей усадьбой, семьей и просто не имеет возможности думать и интересоваться чем-нибудь другим, — как-то странно встретить человека, собирающего какие-то справки и разыскивающего концы... какие? Какого начала?

— Вы откуда сами-то?

— Я то? Смоленские мы, от Москвы полтора километра жили.

— В колхозе работали?

— В колхозе. Теперь вот сюда приехали, на хуторе живу.

— Ну, а как на хуторе?

Взгляд уходит куда-то внутрь.

— Ничего... Приняли хорошо. Помещение отдели. Теперь вот карточку хлопочу — не дают.

— Да зачем вам карточка? Кто на хуторе работает, тот вместе с хозяином и питается. Разве не корми хозяин-то?

— Кормит... Голос ее неожиданно делается сухим и жестоким. Работать заставляет, а какая я работница? Ни согнуться, ни разогнуться... Теперь вот к дохтуру ходила, тоже никакого толку.

— Ну, а в колхозе-то работали же?

— В колхозе то? Работали...

Кто работал, а кто и не работал да лучше жил. Кто в правлении был, тому работай не работай — каждый день по два трудовня записывали, а ты день-денской бьешься, все нормы не выгонишь... Вот как в колхозе работали.

— Вы — что же одна? И мужа нет?

— И мужа нет. Как взяли, так и ни слуху, ни духу. Дочка была, так та на Дальний Восток еще до войны уехала.

— Так и живете одна?

— Так и живу. Жаловаться не на что — поят, кормят. Теперь вот только карточку получить. Дали мне тут еще один адрес, куда обратиться. Вот поглядите, не разберете ли?

На станции Бауск она выходит. Я слежу, как энергично семенит она по глинистой дорожке, направляясь в город, и мне кажется, что я начинаю ее понимать, эту смоленскую кохозницу, задавшуюся целью во что бы то ни стало прожить, не работая, на чужих харчах.

Человек, лишенный корней... Большевик отнял у нее не только возможность трудиться на собственной земле, но и всякое желание вообще трудиться, отнял не только семью, но и всякое понятие о семье, самую способность испытывать к кому-нибудь родственное чувство. И вот — та энергия, которая раньше поглощалась своим хозяйством и своей семьей, теперь оказалась направленной «целиком и полностью» на... получение бесплатной продовольственной карточки, при которой можно было бы прожить и не работая.

С. Климушин.

Сообщение родственникам:

ПОКРАШАНСКИЙ, Леонид, прож.: Litauen, Schaulen, Werdulystr. 15.

ЛОМЯНСКИЙ, Михаил, из г. Витебска, прож.: Litauen, Post. Rudischki. Df. Rudischki. Ischapaewa Stanise.

ГОЛОДКОВА, Евгения Сем. из Пскова, прож.: Litauen, Krottingen Df. Paedupe. Drungen Kastus.

ТОЛГА, Ольга Ив. и ТОЛГА, Владимир живут в Литве: Kupiskio pasta Dispuziju Kaimo. Ciliera.

ВАСИЛЬЕВА, Мар. Вас. и БЕЛЯКОВ, Вас., из д. Кургино, живут: Латвия, Мадонский уезд, Олу вол., хут. Яуншани, почта «Вениба».

ВАСЮКОВ, Иван Ефимович из д. Тасницы, проживает в Литве, г. Тауроген, желдор. бараки.

ДМИТРИЕВ, Петр Вас. из д. Сведлаберг, проживает Латвия, Рига, Болдерая, лагерь беженцев, барак № 6.

ДМИТРИЕВ, Семен Дмитр. из д. Раминь, проживает Рига, Болдерая, лагерь беженцев, барак № 2.

ВАСИЛЬЕВ, Иван Ларион. из д. Петрищев, проживает Рига, Болдерая, лагерь беженцев, барак № 2.

БАБАНОВА, Анна Федор. из д. Ярыгино, проживает Рига, Болдерая, лагерь беженцев, барак № 2.

ПОЗНЯКОВА, Александра проживает Барановичи, Борисовская 5. Сообщ. сыну Серг. Познякову, Белосток, Почтовая ул. 16.

ГЛАЗЕЕВА, Екатерина Петр., живет Латвия, Рига, Блаумена ул. 5-а-37.

ЛАРИН, Георгий Ив. из д. Высоково, проживает Latvija. Nitaures pag. „Serbikos”.

СМОЛИНЫ: Михаил, Дарья и Елена из Тосно, проживают: Литва, Олита, беж. барак № 7, комн. 2.

ПЕТРОВА, Валентина Михаил. (фармацевт) из г. Холма прож. в г. Себеже, Базарная ул. № 16.

ТУМАКОВ, Ст. Яковлевича живет Latvija. Cesu apg. Jaunlaunas p. „Vistubos”.

Редакция просит: 1) ГУДКИНУ, Марию и АГАФОНОВУ, Анну, поместивших в № 39 за 21/IV объявление о розыске, прислать в редакцию свой точный адрес. 2) ТИТОВУ, Веру Кузьм., поместившую в газ. «За Родину» № 71 за 28/III с. г. объявление о розыске ШЕЛУХИНОЙ и ТИМОФЕЕВОЙ, прислать в редакцию свой точный адрес.

СЕГОДНЯ ОНИ ДРУЗЬЯ

Перед нами кипа английских и американских журналов и газет 1937—1941 годов. Карикатуры в них и сейчас звучат, и сейчас их можно было бы поместить в качестве злободневных.

1216 человек духовенства, 6000 профессоров и педагогов, 9000 врачей, 12.350 землевладельцев, 54.000 офицеров, 70.000 полицейских, 193.290 рабочих, 260.000 солдат, 355.250 интеллигентов, 815.000 крестьян.

видно, стал мистер Черчилль на старости лет! Забыл предостережения, которые сам же делал! С его благословения теперь Англия легкомысленно играет с ядовитой коброй, забыв о жале, которое скрывается за улыбкой друга.

Уже перед самой войной Черчилль выступил с речью по радио, в которой дословно сказал следующее:

«Никто за последние 25 лет не был более ярким противником коммунизма, чем я. Я не беру назад ни одного слова, сказанного мною когда-либо».

Но я большевики не слишком жаловали англичан и американцев. Не будем уже говорить об уличном хулиганстве демонстраций с их «Керзону-лорду набьем мы морду», с их виселицами для Черчилля, Макдональда и Ко... Вспомним «большую» литературу: «Сами» Николая Тихонова, стихи Маяковского, Николая Асеева:

Обложить облака!

Начать бой!

Будет добыча —

вам пай!

Люди — ваши,

расходы —

мон.

Гуд бай!

И когда Европа лежит в развалинах после варварского налета англо-американцев:

Глядя,

как

шампанское пенится,

Морган сказал:

— Дарю

(жене) имениннице

As They See It Abroad

LITTLE MAN. WHAT NOW?

An American view of the plight of the Baltic States

Так 14-го декабря 1939 года английская газета «Ньюс Кроникль» изобразила «добровольное» присоединение малых прибалтийских государств к «счастливному» Советскому Союзу.

Как происходило это «добровольное» присоединение — отлично знают все жители прибалтийских государств.

Теперь Англия, вместе с Соединенными Штатами, готова отдать все эти государства на сталинские суд и расправу, для вторичного «добровольного» присоединения при помощи изображенных на английской карикатуре серпа и молота.

«Поджигатели церквей, палачи женщин, детей, старцев - священников, насильники, стремящиеся кровавыми руками зажечь пожар мировой революции, — неужели мы когда-нибудь протянем руку красной большевичьей России?» — кричит чикагская газета накануне войны 1941 года. Протянули! Не только протянули, а и пожаловали Сталину звание защитника демократических свобод от «немецки гуннов», пожаловали ему из рук короля Англии и Шотландии, императора Индии — почетный меч, а архиепископ Кентерберийский возносит ежедневно свои чисто выбритые и добела отмытые молитвы за Сталина — «защитника христианской культуры»...

А между тем никто иной, как тот же Черчилль однажды писал: «Мы не можем вступить с большевиками ни в какие соглашения. Мы должны отличать справедливость от несправедливости, честь от предательства, прогресс от анархии». И разоблачая теперешнего товарища по мировому разбою в 1930 году перечислял число убитых Сталиным людей: «28 еписко-

14 декабря того же года он писал: «Коммунизм подобен болезни рака, который распространяется в ослабев-

шем организме и приводит его к гибели, погибая при этом и сам. Какой здоровый организм согласится экспериментировать с этой смертельной болезнью? Это равно тому, чтобы сделать змею домашним животным или дать себя укусить кобре.» Забывчив,

Немного разрушенное,

Но хорошее именьице!

Так в 1924 году представлял себе будущую войну Маяковский...

А Асеев кричал в стихах, обращенных к английскому рабочему:

Английский рабочий,

далекый товарищ,

Кого ты снарядами

теми завалишь?

И советовал английским рабочим «направить их к застрельщикам на дом»...

Сегодня — они друзья... Надолго ли?

Нет, лишь до тех пор, пока «мудрый отец народов» гонит для мистера Черчилля в кровавую мясорубку войны миллионы людей — пушечное мясо, — пока Красная армия, понесшая огромные потери, как в последнем зимнем наступлении, так и в первые годы войны, еще в состоянии связывать на Восточном фронте германскую армию.

Но даже и теперь, во время наступления, Сталину приходилось беспрестанно попрошайничать у порога своего «друга» Черчилля, выпрашивая новые партии танков, самолетов, оружия и продуктов, указывая на крайне тяжелое продовольственное положение Советского Союза, подчеркивая необходимость скорейшего образования второго фронта. К чувству постоянной зависимости от «богатого приятеля» следует прибавить чувство неуверенности, царящее в Кремле: а вдруг ветер туманного Альбиона подует в другую сторону, а вдруг натроение правящих кругов Англии, во главе с «дорогим другом», изменится.

Потому, можно ли считать сегодняшнюю «дружбу» Сталина и Черчилля прочной? Едва ли, ибо эта

APPEASING THE BIGGEST DOUBLE-CROSSER OF THEM ALL

Еще 21 января 1941 года американская газета «Чикаго Дейли Трибюн» издалась над слепым американским правительством, покровительствующим экспорту военной продукции Соединенных Штатов в СССР: Сталин, под покровом американского зонтика, торопится с бомбами в широкий свет — раздувать пожар мировой революции...

Вот карикатура, помещенная в английской газете «Дейли Геральд» от 8 февраля 1940 года. Сталин радуется огромной победе над финнами: двести убитых финнов обошлись ему всего в 18.000 убитых советских бойцов, двести танков и триста советских орудий... Это ли не победа? А сколько подобных «побед» сейчас! И этот несчастный красноармеец на английской карикатуре — босой, с остеклившимся взглядом, голодный, не тот ли это боец, которого гонит в бой, расстреливает, замораживает и морит голодом и сегодня та же кремлевская шайка, именуемая ныне теми же английскими и американскими газетами «нашими доблестными союзниками».

«дружба», основываясь на сообщничестве в преступлениях, может смениться дракой за награбленное и кончиться так же внезапно, как она возникла.

Однако, многое дал бы Черчилль, чтобы уничтожить следы всего, что он говорил и писал против Сталина и большевиков. С другой же стороны половину своих богатств он, может быть, будет готов отдать впоследствии для того, чтобы никто не смог ему напомнить прощальных слов, сказанных им после тегеранской конференции величайшему безбожнику-тирану: «Да благословит вас Господь Бог, дорогой маршал!»

Ф. Ш.

Международный „миротворец“

Финляндия, которой так настойчиво рекламируют сейчас и Америка и Англия помириться с Советами, изображалась ими же распятой на окровав-

ленных серпе и молоте, на которых утеснился ворон — Сталин с «ветвью мира» в клюве (нью-йоркская газета «Нью-Йорк-Уолд Телеграмм» от 14 марта 1940 года).

Сталин на XVII-м съезде советов сказал: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира». Вот мрачная карикатура, изображающая европейский мир после сталинского мира; необозримое кладбище с советским знаменем в центре («Цзе Морнинг Пост», Лондон, 12 апреля 1937 года)...

Этот снимок служит наглядным опровержением известной поговорки: «Гусь свинье не товарищ».